

Несчастный Ванюшка

Жили три брата богатые, даже ездили торговать в другие города. Вот их один брат помер, остался у ево мальчик Ванюшка и жена. Эта жена опустилась без ево, стала водку пить, гулять. Этова мальчика прозвали: несчастный Ванюшка, з-за матери. Она все провела, не при чем жить стало им.

Мальчик стал уж большой, годов восьминанцать. Вот эти евоные дяди отправляются торговать, ехать за моря. Вот этот Ванюшка стал с ими проситься: «Дяденьки, возьмите меня». Старший говорит, што возьмем, а младший говорит: «Не возьмем. Он несчастный, нам счасья бог не дась». Все-ж-таки больший брат говорит: «Нам чем чужова брать, лучше своёва возьмем». Вот оны ево и взяли.

Вот проехали оны сколько время, и потом поднялася буря на море. Вот этот малый брат и говорит: «Говорил я тебе, братец, што не бери несчастнова Ванюшку. Возьмем бросим ево в море, нам тогда лучше буде, а то из-за ево и мы погибнем». А этот старший дядя говорит: «Нет, хоть погибнем, а я не брошу».

И вот их прибило к берегу. И вот там дали знать государю, что вот какие-то люди пристали на корабле, может быть, других держав. Оны приехали с товаром, с хорошим, што в этом царстве и нет такого товару. Вот им сказал государь: «Я вам разрешу торговать. Только вот вы, вас трое приехавши, все трое отстойте по ночи в церкви» — «Ну, што ж, — оны говоря, — первую ночь надо идти дяде старшему». А там было так: каждую ночь становили по человеку, оттуда отвороту не было, все только кости выбрасывали. Вот этот дядя стал просить: «Ванюшка, отстой ты за меня. Я семейный человек, а ты одинокий». — «Ну, дяденька, говорит, отстою».

Вот приходи ночь, батюшка ево споведал, причастил и поставил, очертил. Ну, вот он стал. Стало позно. Вышел с алтаря старичок. Ему и говорит: «Сынок, ведь и ты погиб. Ты такой молодой вьюнош». Он говорит: «Дедушка, мне все ровно погибать; где не погибать, так погибать!» — «Ланно, говорит, сынок, я тебе, говорит дам книжку, а ты читай эту книжку, никуда не смотри. Хотя какие тебе будут страсти, а ты знай читай». Она была девушка заклятая, в гробе закована обручам железным, дочка этово же царя, заклятая ище она маленькая [была], с семи лет. И вот потом, двенадцать часов, треснули обручи и встает эта девушка с гробу, девушка она большая. И вот подходит к ему и говорит: «Ой, говорит какой! Этот мне, говорит, молодой намест конфетины».

Она к ему бросилась, думала, хотела на-раз его схватить. Потом никак ей через черту не попась. Она тут ему всякими страстями его мучила, к нему лезла, а он только знал свое дело — читал. Она его всякими страстями его стращала, а он никаково внимания на яну не обращал. Потом уж види, што приходит время, она пошла на свое место в гроб. Опять как был гроб. А Ванюшка все читает и читает, как ему дедушка приказал.

Потом наутро приходи сторож, открывает церкву, говорит, что во имя отца и сына и святого духа. А этот мальчик там отвечает ему, што аминь. Вот этот сторож бросил открывать, побежал к царю докладывать, что мальчик жив.

Вот приходит государь сам мальчика выпускать. Вот он его спрашивает: «Как ты остался жив, что ты видал? Здесь, говорит, сотни погибли народу, а вы остались живы!» — «Ничего, говорит, я решительно не видал, страсти никакой не было!» Не признается.

Вот на вторую ночь приходится другому дяде черед. Вот и этот стал просить: «Ванюша, отстой и за меня». — «Вот, говорит, дяденька, хотел меня в море бросить! Ланно, говорит, отстою и за вас». Вот приходит ночь. Опять этого Ванюшку также опять батюшка причастил и поставил. Потом вот стало опять темно, опять выходит старичок с этого алтаря. Говорит: «Опять, сынок, пришел? Смотри, говорит, сынок тебе сегодня еще будет страшнее. Только ты, говорит, никаково внимания не обращай. Если ты, говорит, взглянешь, ты погиб. Ты никуда не смотри, только знай свое: гляди в книжку». Вот он его благословил и сам опять ушел на свое место. Вот опять, как приходит это время, треснули обручи, встает опять девушка, идет к нему, сердито кричит на его: «Опять, говорит, ты пришел! Нет, теперь ты погиб!» Ну, ён все-таки не внимает обращения никакова на яну, читает, свое дело знает. Уж она его всяким страстям, и крюком железным достает, и сколько нагнала этой нечистой силе к нему, и все достает его. Так побились, побились, опять его не взяли никак. Пришли твои часы, она опять на свое место, опять как было.

Вот наутро опять приходи сторож, открывает церкву и говорит опять так, што во имя отца и сына и святого духа, а ён опять ответил, што аминь. Сторож опять побежал к царю докладывать. Приходит опять сам, стал спрашивать: «Што вы видали?» — «Ничего, говорит, я не видал, ничего решительно не видал!»

Ну, вот теперь приходит третья ночь. Ему самому за себя надо идти. Опять его таким же манером причастили, в церкву поставили. И вот опять выходит этот дедушко. «Ну, говорит, сынок, теперь тебе еще больше буде страстей, только ты ничуть ничего не смотри, ништо! Вот на, я тебе дам крест. Как ты прочитаешь, никуда не глянешь, так ты накинь на яну крест». И вот приходи

это времё, опять она встает. «О, говорит, злодей, опять пришел! Я, говорит, третьи сутки не евши, сейчас, говорит, тебе смерть, сейчас заем». Что-то она делала, всем-то ево мучила. Водой напугала по самую голову, што только книжка да глаза, все ево думает, што вот затопит ево. И черква открылась. Зверье набежало, птички налетели. Никак не может ево сбить. Потом она осмирела, подошла к нему и стала с левого боку, для ево, с ним вместе. Он накинул на яну крест, и стала она с ним книжку читать, которую ён читает. Ну, вот приходи утро. Они стоя себе читают. Сторож опять так сказал, што во имя отца и сына, а они в два голоса отвечают, што аминь. Потом сторож испугался, побежал к царю, што два голоса. Потом приходи царь и со священником. И эти таким манером, што во имя отца и сына и святого духа. Они тоже в два голоса, што аминь.

Вот государь их привел домой. Дочка евоная. Там они сколько прожили. Говорит: «Вот, што ты ону выходил, и тебе пусть жена, эта моя дочь». Вот там их ожанил. Вот он говорит: «Я здесь жить не хочу, поеду на свою родину». Государь дал ему капиталу сколько. Они стали с женой жить очень хорошо.

Потом в одно время приходит дедушка этот старенький. «Сынок, говорит, давай делить жонку». — «А как же, говорит, дедушко, делить? Возьми, говорит, с меня деньгами сколько хочешь. Ему жалко, што она красавица была». — «Нет, говорит, не возьму деньгам. Неси, говорит, большую вязанку дров березовых и клади, говорит, все в печку и вот зажигай дрова».

И вот как эти дрова разгорелись шипко, он взял эту женщину, евоную жену, за обе ноги, разорвал пополам да пихнул [пих!] в печку. Потом с печки повалился с нее всякая тварь: и лягухи, и поганки, знаешь, всякая тварь в лесу.

Потом и выходит девушка с печки, с огня, опять же она, красивая-красивая, красивее што было. «Вот, говорит, сынок, теперь, говори, тебе буде жена. Докуда б ты с ней не жил бы, говорит, она б все б тебя похитила б. Ну, теперь, говорит, живите с богом, теперь, говорит, больше я к вам не пойду». Вот и сказка вся.